

нающей: «Ты не мертва...» Часть эта для лучшего уразумения делится на две половины: в первой противоборствующий помысел уличает душу в трусости, а затем приказывает уличенной душе, что она должна делать во второй половине, которая начинается со слов: «Смотри, смиренный облик дамы мил».

Итак, новый помысел говорит, подхватывая последние слова души: «Неправда, что ты умерла; тебе кажется, что ты мертва, по причине замешательства, в которое ты трусливо впала при появлении этой дамы». Здесь следует отметить, что, по словам Боэция в его «Утешении», «ни одна внезапная перемена не наступает без некоторого духовного сдвига», а это и хочет сказать новый помысел, уличающий прежний. Он назван «любовным малым духом», чтобы дать понять, что мое согласие склонило меня к даме. Таким образом, все становится более понятным и познается победа нового помысла, говорящего даже «моя душа», с ней сближаясь. Затем новый помысел указывает уличенной душе, что она должна делать, чтобы прийти в себя:

«Смотри, смиренный облик дамы мил.
И сострадательна, и куртуазна...»;

поистине смирение и сострадание – лучшие средства от страха, которым охвачена душа. Эти добродетели, особенно в сочетании друг с другом, позволяют питать твердую надежду на их источник, в особенности сострадание, чей свет вызывает свет любой иной добродетели. Недаром Вергилий, рассказывая об Энее, как наивысшую похвалу применяет к нему эпитет «сострадательный». Но это не та жалость, которую имеют в виду простые люди, то есть горе о чужой беде, являющееся, скорее, особым воздействием на нас этой беды, то есть милосердием, неотделимым от страсти. Сострадание – это не страсть, а некое благородное расположение духа, способное воспринять любовь, милосердие и другие любвеобильные чувства, которые человек питает к своему ближнему.

Далее новый помысел говорит душе: «Посмотри, насколько она куртуазна». Тем самым он называет три добродетели, которые, поскольку мы можем их приобрести, делают человека особенно приятным. Он говорит «премудрая»; поистине что может быть в женщине прекраснее, чем мудрость. Он говорит «куртуазная»; ничто так не украшает даму, как куртуазность. И пусть по поводу и этого слова не заблуждаются бедные простаки, воображающие, что куртуазность не что иное, как щедрость; щедрость лишь особая разновидность куртуазии, а не куртуазия вообще! Куртуазность и порядочность – одно; а так как в старые времена добродетели и добрые нравы были приняты при дворе, а в настоящее время там царят противоположные обычаи, слово это было заимствовано от придворных и сказать «куртуазность» было все равно что сказать «придворный обычай». Если бы это слово позаимствовали от дворов правителей, в особенности в Италии, оно ничего другого не означало бы, как гнусность. Он говорит: «Величия полна». Мирское величие, которое здесь разумеется, особенно бывает к лицу, когда ему сопутствуют обе названные добродетели, ибо оно проливает на человека свет, ясно обнаруживающий в нем добро и зло. И сколько мудрости и сколько добродетельных помыслов остается в тени за неимением этого света! И сколько грязи и сколько пороков обнаруживается при этом свете. Лучше было бы для несчастных, безумных, глупых и порочных сильных мира сего, если бы они пребывали в состоянии ничтожества, тогда ни в этой жизни, ни после смерти не вызывали бы они столько проклятий. Поистине о них говорит Соломон в Екклесиасте: «Есть и другой недуг, худший из всех виденных мною под солнцем: богатства, сберегаемые во вред их хозяину». Затем дух этот повелевает моей душе называть эту даму своей госпожой, обещая душе, что она возрадуется, когда познает ее добродетели; и так она говорит:

«... пусть над тобою властвует она
И будет в чудесах многообразна».

И ничего иного он не возвещает в этой строфе. Этим исчерпывается буквальный смысл канцоны, в которой я обращаюсь к небесным сознаниям.